

ЗАМЕТКИ ПЕДАГОГА

В. И. Федотов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 мая 2009 г.

Аннотация: в автобиографической статье рассказывается о психолого-педагогических и методических экспериментах, проведенных в общеобразовательной школе и вузе.

Ключевые слова: «липецкий метод», шпаргалка, университетский семинар, фронтальный опрос.

Abstract: this autobiographical article gives an overview of psychological, pedagogical and educational experiments conducted in the comprehensive school and in the university.

Key words: «lipetskiy method», cheat sheet, university seminar, head-on inquiry.

Приближается пятидесятилетие с начала моего преподавания географии в школе, а затем и географических дисциплин в вузе. Подводя итоги педагогической деятельности, могу сказать, что она стала временем значительных достижений и мелких разочарований, заслуженных побед и несбыточных надежд.

Наступает время рассыпать камни — делиться опытом.

Свои заметки представляю читателю в виде коротких, не связанных сюжетно новелл. Каждое повествование — результат проведенных мною или моими коллегами психолого-педагогических и методических экспериментов. Но прежде чем перейти к повествованию, считаю необходимым посвятить читателя в основы своего педагогического мировоззрения.

1. *Педагогический процесс — процесс обоюдный.* В нем на равных участвуют два субъекта — педагог и студент. Самая распространенная педагогическая ошибка в вузах — разрыв, проявляющийся в разных формах, между студентом и педагогом.

2. *Уважительно заинтересованное отношение к обучаемому.* Сначала нужно полюбить, а потом учить.

3. *Экспериментировать с целью поиска новых эффективных форм и методов преподавания.* Считаю, что вузовская методика преподавания намного уступает по числу инновационных

средств методике преподавания в средних образовательных учреждениях.

4. *Учебный процесс в обязательном порядке должен иметь эмоционально-психологическую окраску.* В педагогической практике для меня не существует препятствий в создании такой ситуационной обстановки, когда студент «включается» в сопереживания и оценку своих собственных поступков и поступков иных людей.

5. *Владеть умением доступно, популярно и образно преподносить самые мудреные и сложные знания.* Это умение от Бога. Но мой опыт подсказывает, что этому можно и нужно учиться.

6. *Учиться жизнью.* Присматриваться к окружающим: их мастерству, особенностям общения, достижениям целей, профессиональным навыкам, бытовым манерам.

7. *Преподавать — значит удивлять.* Так, при изучении темы, касающейся значимости природных ресурсов России в экономике, обороноспособности страны и жизнеобеспеченности населения, нам нет необходимости многословить, а достаточно рассказать об одном поражающем воображение слушателей факте. В 1941 г. советские ученые А. Е. Ферсман и В. И. Вернадский, используя знания по обеспеченности природными ресурсами воюющих стран, разработали прогноз, что страной-победительницей будет СССР, а завершение Великой Отечественной войны, по А. Е. Ферсману, — август 1944 г., а по В. И. Вернадскому, — апрель 1945 г. В столь сложной социально-политической обстановке ими обоснован 100 %-ный прогноз. Это ли не удивительно!

Липецкий метод

В 60-х гг. ушедшего столетия в средних школах Большой страны активно внедрялся одобренный Министерством образования «липецкий метод». Суть метода заключалась в том, чтобы в течение всего урока максимально активизировать мыслительные способности ученика. Решать эту непростую задачу учитель мог только в том случае, если на всех этапах урока он привлекал многочисленные приемы активизации. Учителя-предметники, в том числе и географы, среди приемов активизации широко использовали раздаточный дидактический материал (карточки, картодиаграммы, атласы, контурные карты), наглядные пособия (картины, схемы, фотографии, объемные модели, графики на доске с использованием цветных мелков), технические средства (фильмоскоп, ЛЭТИ, кодоскоп, киноаппарат), музыкальные заставки, географические диктанты, сочинения. На Центральном телевидении в те годы появились содержательные, интересные обучающие программы.

«Липецкий метод» «выдавливал» из практики обучения десятилетиями сложившуюся структуру комбинированного типа урока — проверка домашнего задания; изучение нового материала; закрепление; задание на дом. Инновация состояла в том, что целостность урока при «липечком методе» строилась на основе единства функциональных связей. Например, изучение нового материала включало такие функциональные элементы, как закрепление теоретического знания, воспроизведение ключевых понятий, работа с текстом учебника, решение практических задач, работа с контурной картой, написание географического диктанта. Таким образом, многократное повторение изучаемого нового материала способствовало усвоению знаний на уроке, что облегчало выполнение домашнего задания.

Урок традиционно начинался с фронтального опроса. При этом основной акцент учитель делал на повторение ранее изученных понятий, так необходимых для усвоения нового материала. При фронтальном опросе главный вопрос учитель расчленил на несколько дополнительных, требовавших краткого односложного ответа. Членение основного вопроса на отдельные смысловые части применялось и на других элементах урока.

Уроки проходили в невероятно высоком темпе. Ни один ученик не выпадал из поля зрения учителя. Для экономии учебного времени

учащиеся отвечали сидя за школьными партами. По итогам работы на всех этапах урока ученику выставлялась комплексная оценка — «пурочный балл». Всего за урок в среднем оценивалось 8—9 учеников, а четвертная итоговая оценка выставлялась на основании 5—7 текущих оценок вместо 1—3 при комбинированном типе урока. В таком ключе мы с учащимися работали год за годом. Накапливалась страшная усталость, и я решил организовать передышку — перейти на традиционное ведение урока. Первый же результат опроса домашнего задания поверг меня в шок. Ни один ученик, в том числе и отличники, не смогли у доски дать связный ответ на поставленный вопрос. Создавалось впечатление, что они не готовили домашнего задания. Но стоило мне перейти на фронтальный опрос, как те же самые учащиеся, только что молчавшие у доски, активно включались в учебный процесс. Стало ясно, что, увлекшись фронтальным опросом, у школьников мною не был сформирован навык комплексного мышления. Мне, тогда начинающему педагогу, стало ясно, что абсолютизировать даже самый эффективный метод обучения нецелесообразно. Это чревато непоправимой ошибкой. Уверен, что негативный результат мы можем получить через несколько ближайших лет, считая ЕГЭ единственно возможным вариантом контроля знаний.

Конфуз

Через 7—8 мин после начала урока в класс не входит, а влетает шестиклассник Колька Панарин — нарушитель дисциплины, двоечник и забияка. Задержав его у двери, я потребовал объяснить причину опоздания. Он молчал. Я продолжал настаивать на своем. Пауза затягивалась. В классе, как говорят в таких случаях, наступила «мертвая тишина». Панарин продолжал молчать. Наконец, по прошествии примерно 10 мин он, потупившись, выдавливает: «Был в уборной» (общественный туалет находился на почтительном расстоянии от здания школы). Я испытал внутреннее смущение за собственное упрямство. Кто-то хихикнул. Неловкость еще более возросла. «Какой конфуз, — думал я в течение всего урока, — не смог предусмотреть вариант панаринского ответа»!

Нужно было пересматривать свое отношение к опоздавшим. Решение пришло само собой: отказаться от выяснения отношений с опоздавши-

ми школьниками, а затем и студентами. Теперь на первой встрече в студенческой аудитории мы договариваемся о том, что опоздавший без соблюдения принятого этикета «невидимкой» занимает свободное место и без какой-либо «раскачки» включается в работу.

Тет-а-тет

Шпаргалка как форма подготовки к экзамену, по-видимому, существует со времени появления студенчества. В каждой группе находятся один-два «мастера» по их изготовлению. Более того, шпаргалки теперь публикуют в массовом количестве коммерческие издательства. Студент на экзамене в этом смысле всегда «вооружен и очень опасен», поэтому многие педагоги практически перестали вести борьбу со шпаргалкой. Но в начале 90-х гг. XX в. на факультете географии и геоэкологии ВГУ была замечена «новая технология» подготовки шпаргалок — извлекать нужные страницы из учебников и учебных пособий. Неоднократные опыты уничтожения учебной литературы были замечены некоторыми моими коллегами. Дважды я и сам столкнулся с этим ноу-хау. Реально возникла угроза потери библиотечного фонда.

Нужно было искать контрмеры. И они вскоре были найдены. Вместо традиционного экзамена, при котором только первый студент предварительно готовится в течение 25—30 мин, а присутствие последующих экзаменуемых в аудитории растягивается нередко на часы (за это время можно переписать не только «Войну и мир» Л. Н. Толстого, но и добавить еще несколько глав «Тихого Дона» М. А. Шолохова), мы предложили новый тип экзамена, которому дали наименование тет-а-тет.

Тет-а-тет — экзамен индивидуальный. Беседа со студентом идет с глаза на глаз. Ответ на вопросы билета студент дает без предварительной подготовки. Уже на первых секундах становится ясным уровень знаний экзаменуемого. Тет-а-тет — самый объективный скоротечный экзамен.

Экзамен в форме тет-а-тет выполнил свою главную функцию — абсолютно отпала необходимость готовить шпаргалки, уничтожая учебные пособия.

Чистосердечные признания

В 80-х гг. прошедшего века доцент Нестеров Анатолий Иванович, мой коллега и товарищ, ак-

тивно инициировал внедрение в практику учебного процесса письменного семестрового экзамена. Он считал, что письменный экзамен имеет ряд преимуществ перед традиционным устным экзаменом. Главное его достоинство — максимальная объективность. «Что написано пером — не вырубишь топором», — гласит русская поговорка. И это абсолютно верно. Но при письменном экзамене сохраняется и неоспоримый недостаток — отсутствует гибкость взаимоотношений между экзаменатором и студентом, которая всегда сопутствует устной форме экзамена.

После длительной дискуссии, развернувшейся на кафедрах факультета географии и геоэкологии, Научно-методический совет поручает А. И. Нестерову разработать «Положение» о письменном экзамене. 30 ноября 1988 г. «Положение» после принятия его Ученым советом факультета вступило в силу. Приводим текст «Положения» без авторских правок.

Положение о письменном экзамене по географической дисциплине

Цель проведения письменного экзамена: 1) повышение качества усвоения программного материала; 2) более объективная, по сравнению с устным экзаменом, оценка знаний студентов; 3) объективность оценок может быть проконтролирована заведующим кафедрой и деканатом; 4) письменные ответы — основной документ, если последует апелляция со стороны студента.

Структура письменного экзамена предполагает три раздела: 1. Письменные ответы на два главных (основных) вопроса. 2. Письменные ответы на два дополнительных вопроса. 3. Заполнение контурной карты из 30—40 географических названий.

На экзамене сохраняется *билетная система*. Экзаменационные билеты, утвержденные на заседании кафедры и подписанные заведующим кафедрой и экзаменатором не позднее чем за неделю до начала экзаменационной сессии, должны отражать весь объем учебной программы.

Ответы на главные вопросы должны быть полными по содержанию и сжатыми по объему, последовательными, логичными, орфографически и стилистически выверенными.

Одновременно студенту предлагается билет с двумя дополнительными вопросами. Дополнительные вопросы требуют односложных ответов или сжатого определения географического закона, закономерности, раскрытия явления, процесса.

К каждому основному экзаменационному билету прилагается список названий географических

объектов, которые необходимо во время экзамена нанести на контурную карту.

Экзамен проводится по группам численностью не более 25 человек в течение 2 ч без перерыва. Результаты экзамена рекомендуется объявлять не позднее следующего дня после экзамена.

Экзаменационные работы показываются студенту и по его просьбе комментируются. В случае конфликтной ситуации студент имеет право для повышения оценки повторно сдать экзамен в устной форме в период сессии.

В отдельных случаях за особое прилежание — систематическое посещение лекций, практических, лабораторных и индивидуальных занятий; своевременное и аккуратное выполнение графических заданий; активное участие в работе семинаров и коллоквиумов; проявленный деловой интерес к дисциплине — оценка преподавателем может быть повышена на один балл.

Экзаменационный материал письменного экзамена выдается со штампом деканата в количестве трех листов на каждого студента. Контурные карты студент приносит с собой и сдает перед экзаменом преподавателю для постановки штампа деканата.

Атласы на экзамен не выдаются, но в аудитории могут быть развешаны на стенах общие и специальные карты для зрительного восприятия без права экзаменуемым подходить к ним.

В журнале выполнения нагрузки преподаватель записывает тот объем часов, как и при приеме устного экзамена.

Критерии оценки. **Отлично** выставляется за: грамотные, полные, логичные, четкие ответы на основные и дополнительные вопросы, научное и прикладное понимание раскрываемой проблемы, знание, помимо учебника, основной научной литературы, безошибочное заполнение контурной карты.

Хорошо выставляется за: грамотные, полные, логичные ответы на основные и дополнительные вопросы, глубокое знание учебника. При заполнении контурной карты допускается не более 15 % ошибок.

Удовлетворительно: твердое знание учебника, грамотные, но с не принципиальными ошибками ответы на поставленные вопросы. При заполнении контурной карты допускается не более 25 % ошибок.

Первоначально встреченный педагогами с настороженностью в 90-х гг. письменный экзамен становится на факультете самым распространенным. Мне, как декану, даже пришлось принимать некоторые непопулярные решения, чтобы сохранить в практике экзаменационных сессий и другие формы отчетности студентов.

Сохраняя общие требования, зафиксированные в «Положении о письменном экзамене», я пользуюсь ими с небольшими корректировками. Во-первых, письменный экзамен, как более скоротечный, провожу только в том семестре, когда за одну экзаменационную неделю приходится встречаться с 4—5 студенческими группами, да к тому же одновременно участвовать в лекционной работе на заочном отделении. Во-вторых, итоги подвожу спустя 2—2,5 ч после окончания экзамена.

Анализ письменных работ студентов начинаю всегда со следующей фразы: «А теперь подробно рассмотрим Ваши чистосердечные признания». После этих вступительных слов устанавливается абсолютное доверие между экзаменатором и студентами. Во время комментария подробно останавливаюсь на типичных ошибках, неточностях, грамматических и стилистических погрешностях. Подвергаю анализу нетипичные ошибки. Выделяю выдающиеся ответы. Иногда зачитываю отдельные самые удачные, а в некоторых случаях и оригинальные варианты. Финал анализа — объявление персональных оценок. Студентам, получившим неудовлетворительный результат, назначается время повторного экзамена, но уже в устной форме.

Опыт показывает, что такая форма подведения итогов письменного экзамена снимает все даже самые острые противоречия.

Здравствуйте, Владимир Иванович

После окончания средней школы мое окончание университета — важнейший жизненный рубеж. Время во многом неопределенных, но светлых надежд, прогнозов, планов. На 21 июня 1961 г. было назначено вручение дипломов об окончании Воронежского университета. Оставались последние часы пребывания в родном вузе.

Наша студенческая группа физико-географов собралась в тесной приемной ректора Бориса Ивановича Михантьева на площади Ленина, 10. Секретарь-референт объяснила регламент персональной встречи выпускников с ректором. Первыми в алфавитном порядке шли претенденты на диплом с отличием, а за ними по убыванию среднего балла приложения к диплому все остальные. Хотя я не претендовал на красный диплом, но был одним из первых кандидатов на получение «корочки» из рук Бориса Ивановича.

Очень скоро наступила моя очередь встречи с ректором. Я неспешно открыл обитую коричневым дерматином дверь с прикрепленной табличкой «ректор». Едва я переступил порог кабинета, как услышал голос ректора, привстававшего в кресле: «Здравствуйте, Владимир Иванович!» Я приостановился у двери. Борис Иванович подошел ко мне с протянутой рукой. Мы обменялись рукопожатием. Ректор, не отпуская моей руки, провел через весь кабинет и усадил на стул напротив себя. При нашей аудиенции присутствовал декан Яков Кириллович Ковалев, который промолчал в течение всей короткой беседы ректора и выпускника.

Борис Иванович поздравил меня с окончанием университета, вручил диплом и одновременно документ о моем свободном распределении. Расспросил, как я им собираюсь распорядиться. Я сказал, что предполагаю поехать в Ижевск, где уже работает в строительном управлении выпускник факультета Иван Петрович Гунькин, с которым мы подружились, живя в одной комнате общежития. Провожая меня обратно к двери, Борис Иванович сказал пророческие слова: «Появится желание, возвращайтесь в университет».

Теперь я и сам, готовясь к вручению дипломов выпускникам факультета географии и геоэкологии, каждый раз вспоминаю слова моего ректора: «Здравствуйте, Владимир Иванович!»

Уроки Змеиной будки

Стоял солнечный сухой сентябрь 1957 г. Группа студентов-географов 2-го курса ВГУ в кузове грузовой машины на наспех постеленных не очень опрятных матрасах ехала в Таловский район на уборку урожая. Песни, возня, шутки. На ухабах машину трясло из стороны в сторону, а в такт качки перемещались наши тела.

Читателю будет небезынтересно знать, что дорог с твердым покрытием в районах области в то время еще не было. Автотранспорт двигался по укатанному земляному полотну — грейдеру.

Через три с половиной часа грузовик остановился у правления колхоза в с. Никольском, прозванном в народе «Змеиной будкой». Меня, уроженца Тульского края, тогда поразили размеры села. Широченная улица, где между двумя рядами крестьянских изб запросто уместилось бы футбольное поле, вытянулась на целых два километра. По обеим сторонам улицы вблизи сельских построек накатанные дорожные колеи, а между ними сплошная зеленая поляна, зарос-

шая травой-муравой, мятликом луговым, типчаком, австрийской полынью и подорожником. Это тебе и скотопрогон, и пастбище, и стадион для спортивных забав сельских ребятишек, и место отдыха в пору престольных праздников.

На улице — ни деревца, ни кустика, ни цветника. Все дома без «маскировки» стояли друг перед другом, открытые всем ветрам. Маленькие окошки большинства изб ненамного приподнялись над плотно утоптанной чернеющей землей. В населенных русскими воронежских деревнях, как и у нас в тульских, гость обычно стучит не в уличную дверь, а в окно. С улицы через растрескавшуюся незамысловатой конструкции дверь сначала попадаешь в «холодные» сенцы, а через них проходишь либо к хозяйственным постройкам и на огород, или к обитой войлоком двери в жилую часть дома.

В одну из таких крестьянских изб студентов-юношей определили на постой. Просторная опрятная комната. Пахло лампадным маслом от горящего фитиля перед иконой Николая Чудотворца. Справа от двери небольших размеров русская печь, а прямо с высоко взбитой перинной и горкой подушек — двухспальная кровать. Над кроватью в простеньких засиженных мухами деревянных рамках черно-белые фотографии. Слева два маленьких оконца, у одного из которых стоял деревянный кухонный стол.

Нас ждали, познакомились с хозяевами дома. Хозяйка, невысокого роста, вывалила из чугунка на стол картошку в мундирах, нарезала сала, выставила соленья — капусту, помидоры, огурцы. Мы тоже достали свои городские гостинцы — колбасу «Чайная» по 1,1 р. за 1 кг, сыр «Голландский» по 3 р. 10 к., карамель Воронежской кондитерской фабрики, хлеб.

За трапезой хозяин дома Петр Митрофанович рассказал нам о своих взрослых детях, живущих в областном центре и редко навещающих родителей, о хорошем урожае зерновых, которые до дождей нужно спрятать на таловском элеваторе, о нехватке рабочих рук. Критиковал председателя колхоза. «Теперь вся надежда на городскую автомобильную бригаду и студентов, — говорил он, — местные жители втягиваются в следующий этап сельскохозяйственных работ — уборку моркови, кормовой и сахарной свеклы». За разговором быстро пролетело время.

Утром председатель колхоза постучал в окошко, посадил в свою «Победу» и повез на ток.

Там нас ждали груженые зерном автомашины. Наша задача состояла в том, чтобы доставить груз на хлебоприемный пункт в Таловую, разгрузить, оформить бухгалтерские документы и в конце дня сдать их в правление колхоза.

Работали азартно, много и самоотверженно. Доставленное на элеватор зерно разгружали вручную большими металлическими совками, изготовленными из оцинкованного железа. После каждого гребка сухое, золотистое, шуршащее зерно проваливалось в темную бездну подземелья. Через 20—25 мин кузова грузовиков были пусты. Нас подхваливали и шоферы, работавшие на сдельщине, и работники хлебоприемного пункта, беспокоящиеся за бесперебойное и скорое продвижение грузов.

Работали с раннего утра и до позднего вечера. Сон и 30—40 мин обеда — вот и все время отдыха. Через три недели большущие вороха зерна были перевезены в закрома Родины. Настало время возвращаться в университет.

Ранним утром следующего дня вся группа студентов собралась у правления колхоза. Нас наградили за добросовестную работу денежной премией. Председатель сказал несколько благодарственных слов. К центральному входу подъехала автомашина, груженная до края бортов картофелем. Мы поздоровались с уже знакомым шофером, который вез нас из Воронежа в Змеиную будку. Вышел председатель вместе с руководителем студенческой группы (старший лаборант кафедры гидрологии суши) и командовал: «По машинам». Мы не двинулись с места. «На груженой машине ехать 150 верст — самоубийство», — сказали студенты. Председатель стал кричать, что мы противимся отвезти картофель нашим же преподавателям в Воронеж и что другой свободной машины в хозяйстве в настоящее время нет. Группа продолжала настаивать на абсолютно пустом транспорте. К нашим требованиям присоединились местные жители, пришедшие проводить студентов. Прошло минут сорок. Ни одна из сторон не шла на уступки. Время катилось к полудню. И тогда мы приняли единственно правильное решение — идти 25 км по грейдеру до Анны, чтобы вечером пригородным поездом уехать в Воронеж.

Группа предполагала, что это событие не останется незамеченным. Так оно и случилось. Уже в первый день занятий состоялось собрание студенческой группы при участии куратора, секретаря партийного бюро и декана. Нас обви-

нили во всех смертных грехах и даже в том, что мы не проявили повинование местным властям. Принимать наши доводы о возможных тяжелых последствиях, если бы мы согласились ехать на груженом транспорте, никто слушать не хотел. Особенно категоричным был декан факультета Яков Кириллович Ковалев, доцент кафедры гидрологии суши, участник Великой Отечественной войны.

В конце концов было принято решение, что зачинщик и организатор смуты — студент В. Федотов. Его следует представить к исключению из университета. На финальном этапе противостояния студенческой группы и руководства факультета произошла моя случайная встреча с секретарем партийного комитета ВГУ Яковом Ивановичем Гудошниковым, доктором филологических наук, профессором. Я тогда был членом бюро комитета комсомола университета, и мы знали друг друга в лицо. Он подозвал меня к себе и без предварительных расспросов сказал следующее: «Партком знаком с историей, происшедшей в колхозе. Вы поступили правильно. Санкций никаких не будет». И действительно наступила тишина. Учеба вошла в рабочее, нормальное русло. Но одно кадровое изменение на факультете произошло — «исчез» куда-то старший лаборант кафедры гидрологии суши.

Эти события, возможно, не остались бы такими яркими в моей памяти, если бы не имели своего совершенно неожиданного продолжения.

Весной 1969 г. в университете предстояло сокращение кадров. Одну ставку нужно было «вычистить» на нашем географическом факультете. Создали комиссию из преподавателей кафедр, которая должна была установить несоответствие объема персональных нагрузок преподавателей типовому учебному плану. От кафедры социально-экономической географии в комиссию вошли заведующий кафедрой профессор Г. Т. Гришин и доцент Н. Н. Бельский, кафедру геодезии, картографии и черчения представляли заведующий кафедрой доцент Н. Н. Смирнов и доцент Н. Г. Бокачев, кафедра гидрологии суши ввела в комиссию бывшего декана доцента Я. К. Ковалева и преподавателя В. М. Мишона, а кафедру физической географии «защищал» преподаватель В. И. Федотов. Комиссия собиралась регулярно в течение нескольких дней. Споры были жаркие, а нередко даже и неприятные. Я уже тогда замечал, что в отсутствие Ф. Н. Милькова коллеги часто стремились «придавить» кафедру физической географии.

«Сражаться» с авторитетными членами комиссии, еще недавно моими учителями, мне, молодому преподавателю, было совсем непросто. Убедить их могли только весомые аргументы. Я их находил. Некоторых членов комиссии моя неуступчивость раздражала. И вот в один из таких моментов в мою сторону наклоняется сидевший слева бывший декан Яков Кириллович Ковалев и тихонько на ухо говорит: «А у меня на вас сохранено досье». Это был шантаж. Мне напомнили двенадцатилетней давности события, происшедшие в Змеиной будке. Я незамедлительно тихо, но резко ему ответил.

Комиссия вскоре завершила работу. Была определена кандидатура на увольнение.

В конце декабря того же 1969 г. состоялась моя защита кандидатской диссертации. На товарищеский ужин я пригласил весь коллектив факультета. Вечер получился веселый, продолжительный, хлебосольный. Центром всей компании был первый оппонент профессор МГУ Н. А. Гвоздецкий, произносивший неоднократно оригинальные тосты и рассказывавший остро сюжетные анекдоты про московских профессоров. Начали расходиться. Ко мне подошел Яков Кириллович и сказал: «Я, Владимир Иванович, думал, что вы меня не пригласите». «Кто старое помянет — тому глаз вон» — сказал я вслух, а про себя подумал: «молодо не зелено».

Ни дня с пустой головой

Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой физической географии ВГУ, заслуженный деятель науки России Фёдор Николаевич Мильков в пору расцвета своей научно-педагогической деятельности имел обычай регулярно встречаться со студентами факультета в неформальной обстановке. Такие встречи, как правило, организовывались активом кафедры по его собственной инициативе в конце учебного года. Регламент встреч был очень прост — короткое вступительное слово Фёдора Николаевича, а затем открытая беседа.

Студенты — народ непосредственный, любознательный, свободный. Что у мудрого в уме, то у студента на языке. При общении с ними не всегда находишься в роли учителя. Бывают такие ситуации, что приходится выступать и в роли ученика. Фёдор Николаевич в частных беседах неоднократно признавался, что и в неформальных беседах со студентами, и на семинарах он не только проверяет правильность своих на-

учных концепций, но и в обмене мнениями у него «рождаются» новые идеи и даже корректируются старые.

В мае 1981 г. «посиделки» членов кафедры физической географии и студентов, пришедших на встречу с Фёдором Николаевичем, подходили по всем признакам к завершению. И вдруг одна из старшекурсниц, чтобы продолжить встречу, задает весьма оригинальный и многими давно ожидаемый вопрос: «Фёдор Николаевич, расскажите, как Вы пишете книги?».

Перу Ф. Н. Милькова принадлежат свыше 50 персональных и коллективных монографий, учебников и учебных пособий и 481 научная статья.

Как мне тогда показалось, вопрос для Фёдора Николаевича был ожидаем. Он вышел из-за стола, заходил по аудитории, обдумывая ответ. Установилась на некоторое время абсолютная тишина. «Если перефразировать известное название книги писателя Ю. Олеши «Ни дня без строчки, — заговорил Фёдор Николаевич, — то, чтобы писать умные книги, нужно быть ни дня с пустой головой».

Совет Фёдора Николаевича я и сам впоследствии неоднократно проверил на практике. Самого максимального эффекта в научном творчестве достигаешь в том случае, когда заставляешь мозг работать в полную силу. Когда он не отдыхает ни днем, ни ночью. Именно в таких экстремальных для психической устойчивости условиях удается получить искомый результат. Чтобы выйти на нужный уровень, многократно приходилось не смыкать глаз в течение двух, а то и трех суток и при этом не приостанавливать учебный процесс. Только в таких случаях отыскиваешь достоверные факты, неопровержимые доказательства, точные формулировки, принципы, критерии, параметры.

С полной уверенностью могу сказать, что именно принцип «ни дня с пустой головой» помог мне сформулировать и обосновать в 80-х гг. XX в. концепцию антропогеогенеза как общепланетарного процесса трансформации элементов, компонентов и природно-территориальных комплексов ландшафтной сферы Земли при многосторонней хозяйственной деятельности (см.: Федотов В. И. Техногенные ландшафты : теория, региональные структуры, практика. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985; Федотов В. И. Антропогеогенез : понятия, особенности, структурные звенья и типы // Ландшафтоведение: теория, методы, региональные исследова-

дования, практика. — М., 2006; Федотов В. И. Антропогеогенез и глобальные проблемы современности // Глобальные проблемы современности. — Владимир ; М., 2008).

Это Вам просто кажется

Осенью 1958 г. было объявлено о защите докторской диссертации Ивана Николаевича Ежова. Заседание Ученого совета проходило в учебном корпусе ВГУ на Пушкинской, где тогда располагался географический факультет.

И. Н. Ежов во II семестре закончил читать нам курс лекций по «Общей геоморфологии», и я решил из-за любопытства посмотреть на процедуру защиты диссертации.

Доцент И. Н. Ежов был блестящим лектором. Каждое занятие шло по одному и тому же сценарию. В аудиторию быстрыми, семенящими шагами заходил небольшого роста, худощавый мужчина лет сорока двух-сорока трех. Здоровался со студентами. Запускал правую руку в левый боковой карман пиджака и извлекал пожелтевшие листы типовой программы по «Общей геоморфологии». Прищурившись, читал из нее название темы предстоящей лекции. После оглашения темы он отправлял программу на прежнее место до следующих занятий. Никакими записями Иван Николаевич не пользовался. Почти все лекционное время проводил у классной доски. В его руках был кусочек писчего мела, которым И. Н. Ежов пользовался виртуозно. Подобное владение графикой на школьной доске я наблюдал лишь много лет спустя у известного методиста-географа, автора учебников по физической географии СССР Константина Федоровича Строева.

Графика И. Н. Ежова была аккуратной и даже изящной. На доске с помощью писчих мелков оживали многочисленные формы поверхности планеты, эрозионные и оползневые процессы соляной тектоники, вулканический и ледниковый рельефы. Рисунок с кратким лаконичным пояснением лектора фактически представляет опорный конспект изучаемой лекционной темы. Пройдет много лет, и опорный конспект, как метод обучения, будет внедрен в школьную практику народным учителем СССР В. Ф. Шаталовым.

Защита И. Н. Ежова шла строго по согласованному регламенту. После доклада соискателя председатель Ученого совета профессор Ф. Н. Мильков предложил присутствующим задавать вопросы соискателю ученой степени.

Первым откликнулся профессор Воронежского пединститута А. А. Вирский. Адам Адамович Вирский был человеком худым, сутуловатым, с седеющими редкими волосами, орлиным носом и потухшими глазами. Он выделялся среди членов Совета спокойным несуетливым нравом. А. А. Вирский был авторитетным среди геоморфологов ученым.

Опираясь костлявыми длинными пальцами на аудиторный стол, он начал медленно приподниматься и одновременно, растягивая слова, заговорил: «Иван Николаевич, мне кажется, что...» и далее следовал вопрос. Соискатель детально, обращаясь к заранее подготовленным графикам на ватманском листе, защищал свою позицию. Последовал второй уточняющий вопрос А. А. Вирского: «Иван Николаевич, мне кажется, что ...». И. Н. Ежов вновь подробно разъяснил свой взгляд на обсуждаемую проблему. Когда А. А. Вирский в третий раз произнес: «Иван Николаевич, мне кажется, что...», как со стороны И. Н. Ежова прозвучало: «Адам Адамович, это Вам просто кажется». Соискатель жестом левой руки дополнительно показал, что нужно присесть и больше не возникать, так как все в этой части проблемы выяснено. Присутствующие в аудитории на короткое время оживились, но при участии председателя Совета быстро успокоились.

Защита докторской диссертации доцентом И. Н. Ежовым завершилась полным его триумфом — Ученый совет единогласно проголосовал за ходатайство присвоения соискателю ученой степени доктора географических наук.

Реплика И. Н. Ежова обратила мое внимание на то, что пользоваться в научной дискуссии речевыми оборотами «я так думаю», «мне кажется», «я считаю» вместо обстоятельных доказательств — недопустимый прием.

Университетский семинар

Университетский семинар — широко известная форма вузовских аудиторных занятий. Он, как правило, всегда следует за прочитанным накануне блоком лекционных тем. Семинар на заранее определенную программу вузовской дисциплины тему предполагает активное участие в нем студентов. Руководителю семинара отводится в таком случае роль дирижера, который с помощью дополнительных вопросов, промежуточных комментариев и обобщений вовлекает в обсуждение вынесенной на семинар темы все новых и новых студентов. Но такая обстановка

складывается далеко не на каждом занятии, а у многих педагогов она вовсе встречается крайне редко.

Мой 42-летний педагогический опыт работы в вузе позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что пассивность студентов на семинарских занятиях во многом объясняется их полной неосведомленностью о самой сути университетского семинара. И вины в этом студентов нет. Претензии следует предъявлять руководителям семинаров — педагогам. В. А. Садовничий с соавторами, размышляя о возможных преимуществах параллельного образования, предлагают разделять лекционные группы на студентов, преуспевающих в учебе, и студентов-средняков. Аналогичный подход они фактически готовы реализовать и на семинарских занятиях. По этому поводу они пишут: «Семинарские занятия можно было бы проводить по «минимальной схеме», а заинтересованные в более глубоком изучении данной дисциплины студенты могли бы получать дополнительные консультации по вопросам, не вошедшим в минимальную программу» [1, с. 240—241]. Не возражая против возможного параллельного изучения лекционного материала университетского курса, мы хотели бы обратить внимание на непреодолимые прежде всего организационно-технические препятствия на пути реализации подобной педагогической затеи в условиях сложившегося в российских вузах регламента учебного процесса. Подтвердить или опровергнуть виртуальное новаторское предложение может только натуральный педагогический эксперимент. Что же касается университетских семинарских занятий, то проведение их на условиях минимальной программы вряд ли целесообразно по целому ряду признаков.

Руководителям университетских семинаров следует обратить внимание на специфические особенности этой формы учебных занятий. Они сводятся к следующему:

1. На семинарских занятиях объективно существуют условия для каждого студента выразить свою индивидуальность перед однокурсниками учебной группы.

2. Вне желания педагога на семинаре возникает конкурентная среда, располагающая к приобретению новых знаний, транслируемых однокурсниками. Подобная ситуация возникает при условии одновременного участия в семинарских группах и преуспевающих в учебе сту-

дентов, и студентов, желающих приближаться к лидерам.

3. Аудиторные учебные занятия обязательно предполагают строгие формальные взаимоотношения между студентами и педагогом. Однако на семинарах реально возникают элементы неформальных отношений, способствующие конструктивному научному общению.

4. Как ни на какой форме учебных занятий, на университетских семинарах реализуется педагогический принцип обратной связи, гарантирующий внедрение в практику образования развивающего обучения.

5. Только на семинарах студенты в полной мере имеют возможность оценить научную и учебную деятельность как взаимодействующие и взаимообусловленные компоненты университетского образования.

6. Общение со студентами на семинарах открывает для педагога обратную сторону учебного процесса: «самообучение». Об этом эмоционально сказал П. Л. Капица на вечере выпускников Московского физико-технического университета: «Хороший ученый, когда преподает, всегда учится сам. Во-первых, он проверяет свои знания, потому что, только ясно объяснив другому человеку, можешь быть уверен, что сам понимаешь вопрос. Во-вторых, когда ищешь форму ясного описания того или иного вопроса, часто приходят новые идеи» [2, с. 202].

Мой опыт руководства семинарами по общепрофессиональным и специальным дисциплинам (общее землеведение, география, охрана природы, учение о биосфере, техногенные ландшафты, экогеополитика, география России и др.) образовательных стандартов 020401— «География», 020804— «Геоэкология» и 020802— «Природопользование» показывает, что успех занятий зависит от степени готовности к ним большинства студентов академической группы. А это зависит от того, смог ли руководитель семинара сформировать у студентов побудительный мотив их активного участия на занятиях. Мы ежегодно практикуем прием эмоционального разъяснения сути университетского семинара. Для этого дважды на учебных занятиях проводим установочную на предстоящий семинар беседу. Первый раз — на лекции, предшествующей первому семинарскому занятию, а второй раз — в начале самого семинарского занятия, где формируем побудительные мотивы, которыми должны будут руководствоваться студенты при подготовке к перво-

му в их жизни и последующим университетским семинарам. Для этого максимально лаконично, достоверно и эмоционально в форме монолога формулируем суть университетского семинара. Я говорю им, что на университетском семинаре Вы впервые по настоящему соприкоснетесь с великим таинством творчества [1], подступитесь к процессу поиска истины. Поиск истины требует от Вас значительных усилий: усидчивости, самостоятельного приобретения новых знаний, аргументированных доказательств, самокритичности. На университетском семинаре Вы будете формировать независимое мышление, воспринимать происходящее обсуждение научной проблемы критично. На университетском семинаре у Вас появится возможность проявить себя в самом лучшем качестве : оценить заложенные природой способности, прояснить свои склонности и интересы. Обязательной составляющей семинара является дискуссионный характер обсуждения научной проблемы, где приветствуется не только пересказывание точек зрения разных авторов, но и доказательное представление своих рабочих гипотез. При подготовке к университетскому семинару у Вас появляются реальные возможности расширения своего кругозора, формирование научного мировоззрения, возможность заглянуть в прошлое или предугадать будущее. Работа с первоисточниками — неотъемлемая

часть семинарских занятий. Научные монографии, периодика, представленная научными журналами, интернет открывают перед Вами «двери лабораторий научной мысли ученого», а значит Вам удастся проникнуть в сущность научного творчества. Вы сможете столкнуться с уникальной возможностью проследить трансформацию взглядов ученого на протяжении длительного этапа его научного поиска. Во время семинара и при подготовке к нему вы приобретаете опыт общения с самой передовой наукой, реализуете на практике процесс непрерывного поиска новых научных знаний, готовитесь самостоятельно совершить свои первые научные открытия. И, наконец, на университетском семинаре Вы приобретаете и реализуете важные профессиональные знания, демонстрируете педагогические способности, способности ораторского искусства, ясного и доказательного выражения своих мыслей, используя язык науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Садовничий В. А.* Университетское образование : приглашение к размышлению / В. А. Садовничий [и др.]. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. — 352 с.
2. *Капица П. Л.* Эксперимент. Теория. Практика / П. Л. Капица. — М., 1977. — 273 с.

Воронежский государственный университет

Федотов В. И., доктор географических наук, профессор, декан факультета географии и геоэкологии

Voronezh State University

Fedotov V. I., D. Sc. Geography, Professor, Dean of the Faculty of Geography and Geoecology